КАЦНЬЕЛЬСОН С. Д.

РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Утвердившееся в сосюррианской традиции понимание речи (parole) как «реализации» языка (langue) односторонне соотносит речь с языком, безоговорочно причисляя ее к языковым явлениям (langage). Но речь — это не только и даже не столько «исполнение симфонии языка» [1, с. 41; ср. 2, 3], сколько осуществляемое при содействии языка «исполнение» мысли. Язык вливается в речь не как целостная структура с присущей ей внутренней организацией, а фрагментарно, отдельными строевыми элементами, отбираемыми сообразно потребностям выражаемой мысли и получающими в речи свое особое построение. Отчасти это признавал и сам Ф. де Соссюр, определявший речь как «комбинации, при помощи которых говорящий субъект пользуется языковым кодексом с целью выражения своей личной мысли» [1, с. 38]. Но будучи убежден, что главное в языке — это не конкретные, связанные с понятиями значения, и не звучания как таковые, а обусловленные внутрисистемными отношениями абстрактные «значимости», он стремился оградить речь от «вторжения» посторонних областей психики, акустики и физиологии и отводил языку господствующую роль при истолковании речи [1, с. 34—35].

Анализируя процесс употребления языкового кода, Соссюр вычленил в нем три звена: 1) отбор «означаемых» применительно к данной ситуации и их сочетание с акустическими образами; 2) конструирование фраз из комбинаций словесных знаков и 3) «фонационное исполнение» знаков с помощью голосового аппарата. Лишь центральное звено — конструирование синтаксических цепочек — составляет, по Соссюру, специфическое содержание процесса речеобразования. Остальные звенья, по его мнению, прямого отношения к языку не имеют и представляют лишь побочный интерес [4, с. 96—97].

Р. Годель справедливо писал по этому поводу: «Но если речь — это акт передачи мысли с помощью языковых знаков, а не просто знаки, состоящие из членораздельных звуков, то удивительно, что Соссюр постоянно называет ее исполнением (execution). Такой термин представляется особенно неподходящим, для чего имеются, быть может, два основания. Прежде всего он не занимался тем, что он называл р е а л и з а ц и е й о з н а ч а е м о г о, т. е. употреблением общего знака применительно к конкретной ситуации. Иногда кажется, что он подразумевал это, говоря о „потребностях речи“, о связанных с ней „обстоятельствах“. Но эта чисто психическая операция не могла привлекать его внимания и он допускал ее лишь на периферии лингвистики, так же как он поступал и в отношении ее физиологического аналога, — фонации...». И далее: «С другой стороны, как широко Соссюр ни понимал речь, он совершенно не склонен был подчинять язык речи... Обратное воздействие мысли на знаки представлялось ему менее важным, если не вовсе ничтожным» [5].

В дальнейшем языковеды отказались от односторонних установок Соссюра в пункте, касающемся фонационных явлений. Теперь уже мало кто сомневается в том, что реализация произносительных способностей существенным образом входит в процесс речеобразования. Не прекращающаяся с двадцатых годов интенсивная разработка фонологии убедительно выявила лингвистический аспект речевой фонации и со всей остротой поставила вопрос об артикуляторных и психофизических предпосылках образования фонологических единиц. В меньшей мере повезло другой области исследований, которую Соссюр называл «реализацией означаемого».

Антименталистические веяния в пососсюрловском языкознании во многом содействовали укреплению мнения о «периферийном» и «экстралингвистическом» характере речемыслительных процессов. Лишь в последнее время наметилось движение и в этом пункте. Исследования в области актуального членения дают возможность подойти к раскрытию роли мышления в формировании речи.

В настоящей статье будут рассмотрены процессы речеобразования преимущественно с их смысловой стороны. Язык — это орудие не только коммуникации, но также формирования и экспликации мысли [4, с. 110]. Соответственно, и речеобразование — это менее всего процесс передачи готовой мысли или акт механического поэлементного перевода с какого-то внутреннего кода на натуральный язык. То, что Соссюр называл «реализацией означаемого», следует, скорее, понимать как сложный и многоступенчатый процесс, в котором формы языка необходимо сопутствуют мышлению от начальной фазы зарождения мысли до момента отуждения и передачи ее слушателю. В этом смысле процессы мышления и речеобразования неотторжимо один от другого и представляют собой единый речемыслительный процесс. Роль и характер участия компонентов языкового строя в этом процессе, естественно, меняются от фазы к фазе, но на всех фазах они одинаково необходимы. Конечно, внутренняя сторона речемыслительных процессов скрыта от глаз наблюдателя, но исследователь языка вправе высказать свое суждение о ней, поскольку функциональное содержание языковых форм наталкивает его на определенные выводы. К тому же материалы смежных наук и, в первую очередь, исследований патологических состояний мозга, эффективно поддерживают его в его исканиях [6, 7].

Чтобы точнее определить роль языка в процессе мышления, следует прежде всего несколько уточнить понятие мышления в его отношении к сознанию. В известном смысле можно сказать, что деятельность мышления относится к сознанию примерно так же, как деятельность речи — к языку. В мозгу индивида сознание и язык образуют две относительно автономных области¹, каждая из которых обладает своей п а м я т ью, в которой хранятся относящиеся к ней знания, и своими с р е д с т в а м и а к т и в а ц и и, способными извлечь из памяти и привести в движение необходимые в данный момент фрагменты знаний. Эти две области сопряжены между собой таким образом, что деятельность сознания всякий раз по необходимости сопровождается деятельностью языка, вызывая к жизни единый и сложный по своему составу речемыслительный процесс.

Сознание — это в некотором роде с о з н а н и е, т. е. совокупность знаний об окружающем мире, которыми так или иначе овладел индивид. Говоря об индивидуальном сознании, присущем ему инвентаре знаний, мы имеем в виду не только научные или книжные, но также, и даже в первую очередь, — житейские и практические знания.

О том, как хранятся все эти знания в памяти сознания, можно лишь делать предположения. Ясно, во всяком случае, что не в виде готовых речевых текстов. В арсенале наших знаний могут, конечно, храниться выученные наизусть тексты (например, стихи или таблица умножения), но такой способ хранения знаний вряд ли можно признать господствующим. Тот факт, что словесное воспроизведение знаний требует каждый раз импровизации, форма и объем которой меняются в значительных пределах в зависимости от ситуативных условий, говорит скорее об обратном.

Можно предполагать, что в основной своей массе знания закодированы в нашем мозгу особым кодом и что характер этого кода в известной мере зависит от природы усвоенных нами знаний. Конкретные, непосредственно полученные в житейском опыте знания сохраняются, по-видимому,

¹ Говоря о сферах сознания и языка в мозгу индивида, мы, конечно, не имеем в виду их локализации в отдельных «центрах» во френологическом смысле. Как показали современные нейрофизиологические исследования, эти сферы представляют собой сложные функциональные системы, координирующие работу многих взаимодействующих и отчасти компенсирующих друг друга динамических структур в коре головного мозга.

в виде образных фрагментов пережитого прошлого. Американские нейрофизиологи В. Пенфильд и Л. Робертс называют сектор памяти, сохраняющий «все те вещи, о которых человек знал, даже незначительные переживания в постоянной последовательности», — «памятью пережитого» [8, с. 209—210]. С помощью электрического раздражения нейрохирургу иногда удается активировать прошлые переживания, и тогда больной словесно воспроизводит образы пережитого, в строгом временном порядке, от начала к концу, подобно тому, как если бы они были запечатлены на ленте кинофильма или в магнитофонной записи. В нормальных условиях человек вспоминает лишь немного деталей, его память сохраняет лишь наиболее существенное или самое впечатляющее из того, что он пережил, но образный характер «записи» в мозгу несомненен [8, с. 56].

Сложнее, надо думать, обстоит дело с хранением теоретических знаний. Запоминание пережитого играет, по-видимому, и здесь значительную роль. Внешние обстоятельства, сопутствовавшие усвоению знаний, например, беседы и споры со знающими людьми, эпизоды, имевшие место в лаборатории, и наглядные пособия, демонстрировавшиеся на лекции, внешний вид прочитанных книг или журнальных статей и сделанные в данной связи заметки и записи так или иначе «врезаются» в память, закрепляя приобретенные знания. Но простым воспроизведением событий и схематизацией образов все дело на сей раз не ограничивается. Для усвоения и хранения теоретических знаний более существенны процессы упорядочения вновь полученных знаний и увязки их с ранее известными, выделение ключевых фактов и объединяющих их внутренних связей, а также опущение всего того, что легко может быть восстановлено при помощи выводного логического аппарата. Сколь разнообразны бы ни были формы хранения знаний в нашем уме, в их основе во всех случаях лежат предметно-содержательные связи [9].

Активное оперирование элементами сознания при решении тех или иных жизненных задач и есть процесс мышления. Деятельность мышления развертывается всякий раз, когда практическая деятельность выдвигает перед нами те или иные задачи, когда расширяющийся опыт приводит к накоплению новых знаний, когда вновь приобретенные знания оказываются в противоречии со старыми и возникает необходимость в их взаимном согласовании и упорядочении, когда перед нами встает необходимость обмена опытом с другими людьми. Эта деятельность не может протекать без содействия языковой системы.

Основные знания, хранящиеся в «памяти» языковой сферы, это знания слов и их значений. Средствами активации этих знаний являются грамматические формы, актуализирующие отобранные лексические единицы и выстраивающие их в предложения и цепочки предложений. Фонологические элементы и фонологические средства активации создают возможность «озвучения» подготовленных высказываний и передачи их вонне. В контексте данной статьи, посвященной содержательной стороне процесса речеобразования, мы не будем интересоваться вопросами «фонационного исполнения» высказываний. В центре нашего внимания будет стоять предшествующий фонации внутренний этап речемыслительного процесса.

Избирательная актуализация слов и превращение их в элементы речевого ряда совершается в сфере языка не спонтанно, а заданно. Потребности формирования мысли и последующей ее коммуникации определяют характер языковых элементов, последовательно включаемых в речемыслительный процесс на разных фазах его протекания. В этой связи предшествующий фонации этап можно подразделить на две основных фазы: первичную фазу (формирование мысли) и вторичную фазу (дальнейшее преобразование мысли в целях коммуникации).

На первичной фазе формирования речемыслительного процесса поток активированных элементов сознания членится на отдельные кадры, каждый из которых отражает отдельные события или состояния. Средством членения потока мысли на отдельные кадры являются реляционные предикаты и необходимые для их конкретизации формальные понятия или значения. Возникающие из сочетаний реляционных предикатов и значений

пропозиции являются матрицами, на базе которых постепенно складываются предложения.

Восходящее к Лейбницу понятие пропозиции отличается от предложения тем, что пропозиция выражает определенное событие или состояние как отношение между логически равноправными предметами. Предложения 1) *Левин дал брату денег взаймы*, 2) *Брат взял у Левина денег взаймы* и 3) *Деньги были получены братом в долг от Левина* фактически выражают одно событие, участниками которого явились Левин и его брат, оперировавшие некоторой суммой денег. Если это событие может получить различное выражение, то объясняется это тем, что за отправной пункт высказывания берется в одном случае Левин, в другом — его брат, а в третьем — деньги. Сам по себе каждый из членов отношения не является ни субъектом, ни прямым или косвенным объектом, что видно уже из того, что каждый из них может оказаться в различных синтаксических позициях. Синтаксическое оформление члена отношения зависит от привходящих обстоятельств, связанных с построением текста, и не вытекает из природы отображаемых фактов. Пропозиция содержит в себе момент образности и в этом отношении более непосредственно отражает реальность, чем предложение. Подобно картине она изображает целостный эпизод, не предписывая направления и порядка рассмотрения отдельных деталей. Лейбниц допустил ошибку, когда в духе своей идеалистической метафизики заключил, что пропозиция есть нечто «чисто идеальное». Такой вывод, как заметил Г. Клаус, основан на ложной посылке, будто реальные только одноместные предикаты (свойства). На деле, однако, многоместные предикаты, отражающие связи и отношения между многими предметами, не менее реальны, чем одноместные [10].

Реляционный предикат можно представить себе, пользуясь сравнением Г. Вейля, в виде дощечки с высверленными в ней отверстиями по числу «мест» данного предиката, а конкретные обозначения, которые должны заполнить эти «места» при превращении реляционного предиката в пропозицию, — в виде колышков, вставляемых в отверстия дощечки [11]. Такое сравнение хорошо передает специфические свойства пропозиции, ее целостность и симультанную обозримость. Реляционный предикат *дать (взять) взаймы* имеет при себе три «пустых клеточки» для обозначений заимодавца, должника и отдаваемой в долг ценности. Чтобы превратить этот трехместный предикат в пропозицию, его «клеточки» должны быть заполнены конкретными образами соответствующих лиц и предметов.

Многоместные предикаты прямого соответствия в языке не находят. Как правило, им в языке соответствует несколько словесных предикатов, каждый из которых выражает данное отношение со стороны одного из его членов. Встречаются, правда, случаи, когда словесный предикат приближается по своим свойствам к реляционному, ср. англ. *burn* «жечь» и «гореть» или нем. *kochen* «кипятить» и «кипеть». Но и в этих, относительно редких, случаях сходство будет неполным, т. к. в синтаксической конструкции словесные предикаты неизменно различают позиции подлежащего и дополнения.

Реляционный предикат — это, таким образом, некий элемент мысли, получающий одностороннее выражение в языке и помогающий преодолеть односторонность такого выражения. Восприняв предложение *Охотник подстрелил утку*, мы восстаиваем в нашем воображении всю картину, хотя глагол *подстрелить* непосредственно сообщает лишь о действии охотника. Все дело в том, что такие словесные предикаты, как *подстрелить* и *быть раненным*, или *быть старше* и *быть младше*, или *быть отцом* и *быть сыном* (или *дочерью*) находятся в отношении дополнительной дистрибуции один к другому, попарно восходя к реляционным предикатам нашего мышления. Выступая как средства квантования элементов сознания на дискретные пропозиции, реляционный предикат сам по себе не составляет законченной пропозиции. Чтобы придать пропозиции законченный характер, необходимо еще заполнить ее «пустые клеточки», мысленно поименовать «действующих лиц» данной пропозиции. Эта функция выполняется при содействии языка, точнее, его семантической системы [12].

Вычленение семантики в качестве самостоятельного «блока» или «узла» может показаться неоправданным. Элементы этого «узла» — понятия или значения — обычно относят к сфере мышления. Но сетка понятий, без которых невозможна конкретизация реляционного предиката и преобразование его в пропозицию, тесно связана с языком и его лексикой. Понятия, образующие область семантики, — это не те содержательные понятия или знания, с которыми мы сталкивались раньше при рассмотрении сферы сознания, а формальные понятия, в большей или меньшей мере совпадающие со значениями слов. Из всех наших знаний о предмете они выхватывают небольшую часть, некоторые броские признаки, внешние приметы, существенные не сами по себе, а лишь как средство отождествления предмета и его отграничения от прочих предметов. Даваемые в толковых словарях пояснения значений неплохо очерчивают содержание формальных понятий. Их связь со словами не всегда однозначна. Одно и то же понятие может быть по-разному выражено в данном языке, и это обстоятельство делает семантику до некоторой степени автономной от лексики.

К выводу о необходимости различать блок сознания и блок формальных понятий или значений приходят также некоторые психологи и нейрофизиологи. Так, В. Пенфильд и Л. Робертс различают три рода памяти: память пережитого, память понятий и словесную память, из которых первая соответствует нашей памяти сознания, а вторая — нашей памяти формальных понятий или значений [8, с. 209—211]. Относительная независимость сетки понятий от запоминания слов ярко проявляется в ряде случаев афазии. Так, у некоторых больных с нарушением звуковой схемы слов понятия сохраняются, но подыскание слова затруднено. Отчетливо представляя себе, что хотят сказать, они часто не могут найти нужное слово («ну вот... это ... ведь я знаю... эх ...ну вот...») [14].

Разворачивающийся в пропозициях речемыслительный процесс и есть, по-видимому, то, что психологи называют «внутренней речью». Согласно Л. С. Выготскому, внутренняя речь отличается не только «обеззвученностью», но главным образом своим специфическим строением. Синтаксис этой речи предельно сжат, все, что представляется мыслящему субъекту самоочевидным или хорошо известным, опущено. Кроме реляционного предиката и семантически выделенных членов отношения в пропозиции ничего не дано. Переходы от одной пропозиции к другой и от одного фрагмента речи к другому без особой нужды не эксплицируются [15]. Недостаточная оформленность и разорванность этой речи может быть, как нам кажется, хорошо объяснена из глобальности реляционных предикатов и отсутствия необходимости считаться с интересами слушателя.

Между внутренней речью и передачей речи вовне располагаются фазы внутренней подготовки речевого акта. То, что психологи называют «внутренней речью», слишком синкретично и обрывочно, чтобы внешняя речь могла появиться в результате простого «фонационного исполнения» внутренней речи. Для осуществления перехода к внешней речи необходима предварительная работа по преобразованию и обогащению внутренней речи.

Внешняя речь отличается от внутренней прежде всего тем, что она ориентирована на слушателя; говорящий должен считаться с уровнем знаний слушателя, учитывать, что ему известно и что неизвестно, и в зависимости от этого строить свою речь. Внешняя ситуация речи, условия времени и места существенно влияют на форму и степень словесной экспликации мысли, определяя тип словесной коммуникации (диалогическая или монологическая речь, устная или письменная, публичная или частная и т. д.).

Тема и план речи, во внутренней речи не требующие специального выражения, отражаются в той или иной форме в общем построении сообщения и его деталях. Выработка плана не всегда носит осознанный характер, но имплицитно план всегда дан. Существенные отступления от темы или плана, как правило, отмежаются не только слушателями, но и самим говорящим. Развернутое сообщение всегда подразделяется на отрывки, которые отделяются один от другого особыми интонациями и паузами, ме-

ной тематического подлежащего, вводными замечаниями и т. д. Средства межфразового синтаксиса еще плохо изучены грамматикой, которая в своих исследованиях обычно не выходит за пределы отдельного предложения. Между тем уже такие хорошо известные грамматические факты, как анафорические местоимения или формы выражения темпоральных отношений, являются по сути дела средствами организации широкого контекста и подлежат введению межфразового синтаксиса.

Внутренняя речь, не предназначенная для передачи вовне, обходится без указаний на временную последовательность событий. Она естественно следует той «нити времени», которая пронизывает все наше сознание, обуславливая порядок хранения относящихся к прошлому материалов [8, с. 57—58]. Внешняя речь, напротив, невозможна без указаний на временные соотношения событий. Глагольные формы времени и вида, особые временные слова и выражения (*сначала, потом, вслед за этим, ранее, позднее, по прошествии некоторого времени* и т. д.) призваны внести временную перспективу в структуру речи. При наличии элементов рассуждения и логических выводов в речи функцию межфразовых сочленений выполняют слова и обороты типа *стало быть, таким образом, значит, итак, отсюда вытекает, ведь, однако, во-первых, ... во-вторых..., например, другими словами, иначе говоря* и т. д.

Значение тематического единства и плана развертывания и понимания сложного текста хорошо иллюстрируется фактами нарушения динамики речевого мышления. Как отмечает А. Р. Лурия, большие с динамической афазией не обнаруживают дефектов в произношении, могут без труда называть предметы и составлять предложения, хорошо понимают слова и предложения, иногда даже сложные грамматические конструкции, но испытывают серьезные затруднения при попытке самостоятельно построить (или понять) развернутый контекст. Из уст таких больных часто можно слышать жалобы на то, что им трудно составить программу или схему речевого высказывания, удерживать порядок изложения и связать отдельные отрывки между собой [16].

Основной структурной единицей речевого текста является, как известно, предложение, и проблема порождения текста фактически сводится к проблеме порождения цепи связанных между собой предложений. Теория Н. Хомского и его последователей, избравшая своим объектом процесс порождения речи, оставляет, к сожалению, открытым вопрос о порождении предложения. В исходном для всего процесса пункте она, в сущности, сохраняет старую установку дескриптивистики, которую в общем стремится преодолеть. Точка зрения синтеза уступает здесь место анализу, и предложение выводится из элементов, полученных путем расчленения готового предложения на непосредственно составляющие. В итоге получается порочный круг. Коренной вопрос, «каким образом говорящий выбирает содержание своих высказываний», так и не получает ответа [17].

Предложение формируется не путем соединения разрозненных слов или морфем, а на основе пропозиции. Отбор языковых элементов в главнейшем предопределен содержанием пропозиции, местом ее в сообщении и общей ситуацией речи. Структурно предложение резко отличается от пропозиции. Переход от пропозиции к предложению предполагает замену многочленных отношений бинарными. Необходимость такого шага диктуется формальной природой процесса построения речи (линейным характером расположения дискретных единиц языка в речевой цепи и древовидной структурой предложения). Развертывание предложения начинается с разбиения содержания пропозиции на подлежащее и группу сказуемого. Возведение одного из членов многоместного отношения в ранг подлежащего и, соответственно, низведение всех остальных до уровня «дополнений» к сказуемому, — таково неперемное условие преобразования пропозиции в предложение.

Что в структуре предложения подлежащее играет особую роль и противостоит всей группе сказуемого, доказываемое грамматическим строем любого языка. Морфологическое это противопоставление может быть выражено различными способами (порядком слов, противопоставлением согла-

сования и управления, различными типами согласования в комбинации с порядком слов и т. д.), но повсюду оно лежит в основе фразового построения. Как глубоко эта структурная особенность пронизывает весь строй речи, показывают факты афазии, вызванной нарушением основной схемы высказывания. У больных поврежден механизм, сопрягающий подлежащее с предикативной группой, вследствие этого один из главных компонентов предложения исчезает. Нарушения предикативной функции речи вызывает у больного явления аграмматизма и так называемого «телеграфного стиля». Речь его состоит из изолированных слов, выражающих отдельные объекты или действия и обычно употребляемых в исходной форме (существительные — в именительном падеже, глаголы — в инфинитиве) [18, с. 86, 91, 217]. В случаях нарушения функции подлежащего высказывание больного сводится исключительно к характеристике предмета. Когда больному показывают изображение предмета и просят назвать его, например, пилу, то он обычно заменяет название парафразой («ну ... это ... железо ... нет ... лопата... нет ... железная ... ну вот ... эти дрова пилят ... ну ... железная пила») [19]. Что дело здесь не просто в утере названия, видно из того, что в составе предикативной группы или заученной фразы больной в состоянии произнести нужное слово [18, с. 213]. Особенно показательны в этом отношении случаи временной афазии, вызванные электрическим раздражением. Больному показывают рисунок, и он легко узнает изображенный предмет: «это то, на что надевают ботинок». Но только после удаления электрода он говорит: «нога» [8, с. 208; 20].

Как же совершается отбор подлежащего и связанной с ним формы сказуемого? Эта молниеносно протекающая в уме говорящего операция отнюдь не проста и зависит от действия таких факторов, как требования коммуникативного динамизма и структурные особенности данного языка. Динамика речемыслительного процесса определяется ориентацией на слушателя. Если собственно «внутренняя речь» является речью для себя, то при подготовке внешней речи говорящий должен стать на точку зрения собеседника, исходить из степени осведомленности слушателя. Нормальный ход коммуникации состоит в постепенном продвижении от известного к неизвестному. Говорящий может передать слушателю новую информацию, только отталкиваясь от заранее известных последнему данных и сведений, ставших известными в ходе самой коммуникации. Это обстоятельство накладывает свою печать на каждое отдельное звено коммуникации, каждое предложение. Роль различных членов предложения в процессе коммуникации неодинакова, и лингвист обязан учитывать «степень коммуникативного динамизма» [21] или, иначе, «коммуникативную ценность» различных компонентов предложения. Наименьшим «коэффициентом динамизма» (КД) обладает член предложения, представляющий «данное», нечто уже известное слушателю, а наибольшим тот, который представляется «новым» и наиболее актуальным.

Из членов представленного в пропозиции отношения подлежащим часто становится тот, который отличается наименьшим КД. Но количество отклонений весьма велико, что побуждает нас пристальнее присмотреться к понятию подлежащего. В понятии подлежащего заключены два момента, которые не всегда «уживаются». Подлежащее — это 1) согласно классическому определению, «то, о чем говорится в предложении», т. е. тема данного высказывания, и 2) соответствующим образом оформленный член предложения, слово в соответствующей форме (причем под формой понимается падеж). Совпадение этих моментов в одном понятии не случайно, т. к. форма подлежащего вырастает на основе тематической функции. Но в качестве формы подлежащее выполняет и другие функции, которые могут вступить в противоречие с исходной.

Переход от пропозиции к словесному высказыванию предполагает, как мы видели, что любой из членов пропозиционного отношения может при надобности стать подлежащим высказывания. Но лексическая структура языка этому нередко препятствует. Если в одних случаях лексика языка допускает свободное изменение интенции (ср.: *Он получил от друга письмо; Друг прислал ему письмо и Письмо пришло ему от друга*), то в других слу-

чаях эта свобода ограничена (ср.: *Он спросил у соседа совета* или *У меня есть время*). Морфологически свободе интенции способствует наличие пассива. Но, как показал в свое время В. Матезиус, амплитуда употребления пассива в разных языках неодинакова: так, в русском языке она значительно *уже*, нежели в английском. (В русском, например, невозможен пассив к косвенным объектам в роли подлежащего, как в англ. *He was given an advice*.) В случаях, когда отсутствуют другие возможности выражения, язык предписывает употребление единственно возможной формы сказуемого, независимо от того, является ли подлежащее темой высказывания или нет.

Другим источником противоречий между подлежащим-темой и подлежащим-формой являются безличные, или, точнее говоря, бесподлежащие сказуемые. В предложениях типа *Мне жаль тебя* или *Лодку прибило течением к берегу* ни один из членов отношения в силу особенностей конструкции не может стать подлежащим. Это касается не только многоместных, но и одноместных предикатов (ср.: *Мне больно* или *Рану затянуло*).

Поскольку тема является обязательной предпосылкой высказывания, а в ряде случаев употребление подлежащего в функции темы невозможно, то в языке, естественно, должны наличествовать другие способы тематизации членов пропозиционного отношения. Таким средством в языке со свободным порядком слов является постановка темы на первое место в предложении. Ср. отрывок из «Анны Карениной»: «Она и не задавала себе вопроса о том, как устроить это свидание. Ей казалось натурально и просто видеть сына, когда она будет с ним в одном с ним городе; но по приезде в Петербург ей вдруг представилось ясно теперешнее ее положение в обществе, и она поняла, что устроить свидание было трудно». Тематическое единство сообщения поддерживается здесь единством анафорического местоимения, повторяющегося в каждом предложении. Это местоимение стоит везде на первом месте в составе каркасного предложения. Если же анафорическое местоимение не во всех случаях выступает в форме подлежащего, то причиной этого являются интенционные особенности некоторых глагольных предикатов.

Под темой высказывания здесь, таким образом, имеется в виду — в отличие от общепринятого, несколько расплывчатого словоупотребления — не любое слово с наименьшим КД, открывающее собой предложение, а только член предложения, соответствующий члену пропозиционного отношения с наименьшим КД. Таким членом предложения обычно становится подлежащее, но необязательно подлежащее. Как мы видели, в этой позиции может оказаться и другой именной член предложения.

Может случиться, что темой предложения окажется подлежащее и все же не оно окажется тем членом предложения с наименьшим КД (т. е. тем «данным»), из которого исходит высказывание. Так, например, бывает в случаях, когда впервые вводится в сообщение обозначенный подлежащим некий предмет; будучи новым для слушателя, он получает высокий КД. Если предикат каркасного предложения при этом одноместный, то новым для слушателя оказывается все высказывание, и подлежащее в большей степени, чем предикат. Поскольку прямой (т. е. естественный) порядок слов заключается в расположении членов каркасного предложения в порядке возрастания КД, то подлежащее стоит теперь за сказуемым [22]. Ср.: *Жил-был старик; Наступила весна; Прилетели грачи*. Формой выражения такого смещения «предикативной силы» (т. е. возрастания КД) может быть и «логическое ударение». Ср.: *Почтальон приходил* (с эмфатически выделенным *почтальон*) как ответ на вопрос: *Кто звонил в дверь?*

До сих пор при рассмотрении процесса подготовки будущего высказывания мы оставались в рамках каркасного предложения, т. е. минимума предложения, состоящего из подлежащего, сказуемого и дополнений. В контексте целостной коммуникации этот каркас должен обрести дополнительную информацию и, прежде всего, по линии актуализации его членов. Возникшее в результате преобразования пропозиции каркасное предложение в свою очередь становится основой для ряда дальнейших преобразований.

Пропозиция не нуждается в формах внешней актуализации, т. к. составляющие ее понятия «оживлены» конкретными представлениями. Но каркасное предложение, предназначенное для передачи вовне, подлежит конкретизации с помощью особых «актуализаторов». Грамматические средства актуализации навязываются говорящему системой языка. К ним относятся формы числа, артикль в некоторых его функциях, отчасти грамматический род или класс — у имен существительных, время и вид — у глагола. В функции актуализаторов выступают и некоторые строевые слова, например, кванторы *один, несколько, некоторые, много, все* и действительские слова. Грамматические актуализаторы могут быть поддержаны лексическими, которые реализуются в виде определений к разным членам каркасного предложения, в том числе и к сказуемому, а также в виде обстоятельственных слов и словосочетаний (пространственных, временных, причинных и т. д.).

Распространенное с помощью лексических актуализаторов предложение может претерпеть дальнейшие изменения в связи с перераспределением степеней коммуникативного динамизма между его компонентами. В предложениях, где подлежащее или, шире, тема впервые вводится в общение и вследствие этого перетягивается в группу слов, выражающих нечто новое и еще неизвестное слушателю, «данным», или, иначе, компонентом с наименьшим КД может оказаться обстоятельство или обстоятельственная группа. Ср.: *На улице собралось много народу; Скоро заблестела река и открылся вид на широкий плес; Через два дня пришла телеграмма.* Повышение КД подлежащего (темы) немедленно, как мы видим, отражается на словопорядке. Выдвижение обстоятельства на первое место может произойти и независимо от изменения КД подлежащего (темы). Дело в том, что обстоятельства места, времени и др. очень часто перекликаются с содержанием предшествующего текста. Ср.: *Справа подымалось белое здание больницы; Через полтора часа они приехали в Петербург.*

Повышение КД и смещение предикативного центра может произойти в связи с появлением момента скрытого противопоставления в предложении. Ср.: *Зачем ты говоришь это мне?* (т. е. именно мне, а не кому-либо другому); *Я сегодня пойду домой* (пойду пешком, а не поеду); *Надень зимнее пальто* (именно зимнее, а не демисезонное). Средством выражения появляющегося в таких предложениях нового предикативного центра, наряду со старым, в русском и ряде других языков является эмфатическое выделение слова с повышенным КД («логическое ударение»). Порядок слов при этом обычно не меняется.

Из других факторов, оказывающих влияние на конкретный состав предложения и его конфигурацию, важно отметить еще и компрессию. Формы компрессии способствуют слиянию двух или нескольких каркасных предложений в одно сложное либо превращению каркасного предложения в «неполное», т. е. опущению одного или нескольких его членов, оказавшихся избыточными по контекстным или ситуативным условиям. Значительную роль играют и стилистические факторы, во многом обуславливающие отбор слов, характер распространения основных элементов предложения и другие стороны фразовой структуры. Но рассмотрение этих дополнительных сторон не входит в задачи настоящей статьи.

Окончательное определение состава и синтаксической структуры высказывания содержит в себе информацию, достаточную для понимания морфологической структуры отдельных компонентов, а также словопорядка и акцентуационного рисунка предложения. Накопление необходимой информации позволяет привести в действие механизм фонационного исполнения готового предложения. Таково естественное завершение того специфического этапа внутренней подготовки «внешней речи», который, непосредственно не совпадая с «внутренней речью», вместе с последней помогает лучше понять роль строевых элементов языка в процессе выражения мысли.

1. *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. М., 1933.
2. *Щерба Л. В.* Преподавание иностранных языков в средней школе. М., 1974, с. 69.
3. *Зиндер Л. Р., Маслов Ю. С. Л. В. Щерба* — лингвист-теоретик и педагог. Л., 1982, с. 15.
4. *Кацнельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.
5. *Godel R.* Les sources manuscrites du cours de linguistique générale de F. de Saussure. Genève—Paris, 1957, p. 154—155.
6. *Лурия А. Р.* Афазия и анализ речевых процессов.— ВЯ, 1959, № 2.
7. *Jakobson R.* Zwei Seiten der Sprache und zwei Typen aphatischer Störungen.— In: *Jakobson R., Halle M.* Grundlagen der Sprache. Berlin, 1960.
8. *Пенфильд В., Робертс Л.* Речь и мозговые механизмы. Л., 1964.
9. *Жинкин Н. И.* О кодовых переходах во внутренней речи.— ВЯ, 1964, № 6, с. 36—37.
10. *Klaus G.* Moderne Logik. Abriß der formalen Logik. Berlin, 1964, S. 266.
11. *Weyl H.* Philosophy of mathematics and natural science. Princeton, 1949, p. 4.
12. *Жинкин Н. И.* Механизмы речи. М., 1958, с. 360.
13. *Кацнельсон С. Д.* Содержание слова, значение и обозначение. М.— Л., 1965, с. 18—25.
14. *Лурия А. Р.* Язык и сознание. М., 1979, с. 272.
15. *Выготский Л. С.* Мышление и речь. М.— Л., 1934.
16. *Лурия А. Р.* Мозг человека и психические процессы. М., 1963, с. 296—339.
17. *Миллер Д., Галантер Ю., Прибрам К.* Планы и структура поведения. М., 1965, с. 167.
18. *Лурия А. Р.* Травматическая афазия. М., 1974.
19. *Лурия А. Р.* Высшие корковые функции человека. М., 1962, с. 337.
20. *Вулдридж Д.* Механизмы мозга. М., 1965, с. 221—224.
21. *Firbas J.* Non-thematic subjects in contemporary English.— In: *Travaux linguistiques de Prague*, 1966, 2, p. 240.
22. *Boost K.* Neue Untersuchungen zum Wesen und zur Struktur des deutschen Satzes. Berlin, 1955.